

МИРЫ Г. Л. ОЛДИ

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

ПАСЫНКИ
ВОСЬМОЙ
ЗАПОВЕДИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

ЭКСМО

Воровской цикл

Генри Олди

Пасынки восьмой заповеди

«Автор»

1996

Олди Г. Л.

Пасынки восьмой заповеди / Г. Л. Олди — «Автор»,
1996 — (Воровской цикл)

ISBN 5-699-18154-7

Странным даром обладают приемные дети Самуила-бацы из глухого села Шафляры в Нижних Татрах: люди как люди, а есть у них способности, коими человек обладать не должен бы. Воры они, но не те, что у прохожих кошельки срезают или дома по ночам чистят, – а те, что крадут помыслы, чаяния, навыки и знания у других людей. Неплохо устроились в жизни приемыши Самуила: Ян – аббат в тынецком монастыре бенедиктинцев и скоро быть ему епископом; Тереза – жена богатого купца; пан Михал – воевода в графском замке, женился по любви, да и фехтовальщик он знатный, такие в бурный XVII век нарасхват. А вот с младшенькой, с Мартой, не заладилось...

ISBN 5-699-18154-7

© Олди Г. Л., 1996

© Автор, 1996

Содержание

Книга первая	8
Глава I	8
Глава II	20
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Генри Лайон Олди

Пасынки восьмой заповеди

То было что-то выше нас,

То было выше всех.

И. Бродский

Книга первая

ДЕТИ ВОРА САМУИЛА

Глава I

1

Пся крев!¹ Где черти носят этого пройдоху-корчмаря! Клянусь епископским благословением, еще мгновение – и я нашинкую весь его проклятый род на свиные колбасы!

Пудовый кулак обрушился на столешницу, заставив кружки испуганно дребезжать, а ближайшее блюдо крутанулось волчком и не скоро остановилось, обратив к крикуну испуганную морду запеченного в черносливе поросенка.

Корчмарь Иошка уже спешил к столу, смешно семена коротенькими кривыми ножками и защитным жестом выставив перед грудью обе руки. В каждой был зажат глиняный кувшин с выдержанным венгерским вином, только что нацеженным из бочки, кран которой открывался либо по большим праздникам, либо в день посещения корчмы князем² Лентовским, чей сволочный характер был отлично известен не только корчмарю, но и всякому встречному-попечечному по эту сторону Татр.

После первого княжеского глотка корчмарь был прощен, после второго – милостиво одарен дружеским подзатыльником, чуть не отправившим тщедушного Иошку на тот свет, а после третьего, самого продолжительного глотка, сопровождавшегося молодецким кряканьем и здоровой отрыжкой, князь Лентовский напрочь забыл о корчмаре и принялся превращать поросенка в груду костей и обглоданных хрящей.

Сидевший рядом с князем его старший сын и наследник Янош Лентовский равнодушно вертел в руках куриную ножку, изредка касаясь ее губами столь нежно и мимолетно, словно это была ножка его возлюбленной, а не окорок жилистой и вредной пеструшки Друцы, чье поведение переполнило сегодня утром чашу терпения жены корчмаря.

Впрочем, аппетит был единственным, что отличало между собой отца и сына Лентовских. Оба – рослые, топором рубленные здоровяки, краснощечие, крепкорукые, зачатые на знаменитой дубовой кровати в родовом замке близ Череможа, где теряли невинность все новобрачные жены Лентовских вот уже восемнадцатое поколение подряд. Оба наряжены в темно-лиловые бархатные кунтуши с бриллиантовыми пуговицами, каждая из которых стоила всего добра, нажитого тем же Иошкой за всю его корчмарскую жизнь; из-под кунтушей выглядывали жупаны голубого атласа, а на мускулистых ногах высокородных вельмож красовались пунцовые шаровары и вызывающе яркие сапоги из крашеного сафьяна на позолоченных каблуках. Больно было смотреть, как старый Лентовский заливает все это великолепие потоками жира и струящегося по бритому подбородку вина, но вряд ли кто-нибудь осмелился хотя бы намеком дать понять князю, что жаль портить этакое добро! Доброхота ожидала в лучшем случае оплеуха, способная свалить быка-двухлетку, а потом – плети княжеских гайдуков; невезучий же вполне мог попробовать и клинка фамильной сабли Лентовских, гордо выставившей над столешницей белый хохолок цапли, украшавший ее рукоять.

¹ Пся крев – дословно «собачья кровь», польское ругательство.

² В XVI веке в Польше, а позднее в Речи Посполитой, были отменены дворянские титулы (князь, граф и т. п.), но они сохранялись в традиционных формах речи и при неформальном общении).

– Музыку! Гей, слепой, заснул, что ли?!

Незрячий скрипач, перетирающий в углу беззубыми деснами свежесвеженный хлеб, поспешно вскочил, подхватил лежащую рядом скрипку, примостил ее на костлявом старческом плече и взмахнул смычком. Плясовая огнем расплескалась по корчме, но никто из немногочисленных посетителей и не подумал пройтись гоголем по скрипящим половицам – дай бог в присутствии старого князя-самодура спокойно дожевать и допить, а после незаметно исчезнуть восвояси!

Разве что сидевшая в самом дальнем углу женщина средних лет, непривычно смуглая и длинноногая для здешних мест, сперва забарабанила пальцами по столу и весело притопнула, но огляделась и вновь принялась за баранье жаркое, дымящееся в пузатом горшочке.

У ног женщины, ткнувшись носом в ее поношенные, но еще крепкие сапожки, лежал здоровенный пегий пес. Правое ухо у пса было оторвано в какой-то давней драке, и теперь вместо него нервно подрагивал смешной волосатый обрубок; зато второе, невредимое ухо независимо торчало вверх, словно собаке хотелось уловить в рокоте струн что-то свое, очень важное и неслышимое для посторонних.

Янош Лентовский пододвинул отцу миску с жареными в масле пирожками и скучаясь огляделся.

Взгляд княжича скользнул по двум заезжим торговцам, вполголоса обсуждающим дела купеческие, мимоходом задержался на услужливо скалящемся в никуда слепце-скрипаче, огладил широкий аппетитный зад нагнувшейся за упавшим рушником служанки и наконец уперся в смуглую женщину.

Она подняла глаза на молодого Лентовского и улыбнулась княжичу спокойной приветливой улыбкой.

– Цыганка? – негромко спросил княжич Янош, обращаясь скорее к самому себе.

Как ни странно, женщина расслышала его вопрос и отрицательно покачала головой.

– Тогда кто?

Женщина развела руками и еще раз улыбнулась, словно это должно было объяснить ее происхождение.

Княжич Янош продолжал разглядывать странную гостью. И одета она была не так, как одевались местные бабы: вместо обилия юбок, напаянных друг на друга подобно капустным листьям, и белой расшитой рубашки с безрукавкой на женщине был мужской черный казакин, подбитый стриженным мехом, из-под которого выглядывала опять же черная рубаха, заправленная в короткие кожаные штаны до колен. И никаких украшений, кроме витого браслета на правом запястье и медной запонки с тремя короткими цепочками, закалывавшей рубаху у ворота.

«Нет, не цыганка, – уверился молодой Лентовский. – Те по пуду всяких цапек на себя вешают, а эта... Да и не станет Йошка цыганок у себя прикармливать. Ишь, черная! Откуда и взялась такая?»

Интерес к женщине так же быстро угас, как и возник, после чего княжич зевнул и потянулся к кувшину с вином.

Сейчас отец насытится, и можно будет спокойно тронуться в путь.

В путь...

Легкие сухие пальцы коснулись шеи Яноша. Он недоуменно обернулся – черная женщина стояла совсем рядом, словно в мгновение ока переместившись из-за своего стола к месту княжеской трапезы. Тонкие губы шевельнулись, и женщина произнесла извиняющимся тоном:

– Великодушно прошу простить, ваша милость! Оступилась...

– Пошла вон, – равнодушно отозвался молодой Лентовский, наливая вино в деревянную кружку, и вдруг почувствовал, как у него зачесались глаза. Именно глаза, как если бы от затылка... нет, от шеи, где коснулись Яноша чужие пальцы, протянулись вглубь тоненькие

нити-паутинки, быстрая суетливая плесень, кончиками невидимых волокон войдя изнутри в зрачки, копошась, натягиваясь, разрастаясь...

Княжич изумленно моргнул – и ощущение исчезло.

Подобно руке опытного карманника, в последний момент исчезающей из вскрытого кошелька, когда разиня-хозяин заподозрит неладное и, округлив рот, уже готов закричать на весь базар: «Держи вора!»

О сапог Яноша умильно терлась корчемная кошка Бырка, выпрашивая кусочек свининки и опасливо поглядывая на дремавшего одноухого пса.

– Ой, под горкой, под кустом портит девок черт хвостом! – заорал на всю корчму старый князь, и скрипач на ходу попытался подхватить мелодию. – Будет черту лихо, ой...

Забыв слова разухабистой песни, которую слышал от егерей на прошлой охоте, Лентовский выругался и запустил в скрипача обглоданной костью.

Черная женщина уже отходила от княжеского стола, когда лицо ее внезапно напряглось, во взгляде, обращенном к старому князю, вспыхнула шальная безумная ненависть, зарницей метнувшись под густыми бровями, но женщина резко присела, вороватым движением погладив мяукнувшую Бырку, и лицо ее почти сразу стало прежним.

Еще миг – и ни ее, ни пегой собаки уже не было в корчме.

Иошка, увидев рядом с миской недоеденного жаркого серебряный полуталер, решил шума не поднимать и уж тем более не гнаться за гостьей; а чуть погодя ему стало не до талеров и женщин, потому что безобиднейшая кошка Бырка разъяренно зашипела, вспрыгнула на столешницу и оттуда воющим комком кинулась прямо в лицо старому князю.

И долго потом рассказывали пастухи Бескид друг другу, как старый князь Лентовский стал одноглазым, как княжич Янош в бешенстве чуть было не зарубил насмерть корчмаря Иошку, и лишь проворство ног спасло последнего, как горела корчма, подожженная гайдуками Лентовского, а старый князь, прижимая к разодранной глазнице окровавленный плат, рычал сорванным голосом:

– Жгите! Все жгите, сукины дети!... О, пся крев...

О женщине и ее собаке не вспомнил никто.

2

– Не могла я иначе, Джош... никак не могла. Ты ведь и сам вор, ты должен меня понимать...

Ночь застала женщину с собакой в пути, но одноухий пес мигом свернул с торной дороги и неспешно затрусил в лес, а женщина спокойно пошла вслед за ним, все дальше углубляясь в густеющий кустарник и петляя меж редких белых стволов берез. Так слепой идет за надежным, не раз проверенным поводырем, так ходят за матерью или за любовником, так ходят не раздумывая и не сомневаясь.

И действительно: не успело еще окончательно стемнеть, как они вышли к пастушьему шалашу – добротному, плотно застеленному свежими ветками, с выгоревшим кострищем посередине, над которым на длинной палке, привешенной к двум поперечным жердям, висел закопченный котел. Женщина занялась костром, едкий дым вскоре заполнил внутренность шалаша, явно собираясь прокоптить незваных постояльцев до конца их дней, а пес исчез в лесу, и только изредка светились поблизости его настороженные глаза.

За все это время он не издал ни звука, словно был немым.

Да и женщина молчала с того момента, как они покинули злосчастную корчму Иошки Мозеля. Молча шла она по дороге, молча плутала меж стволами, молча разжигала костер и разбиралась со скудными припасами, вынутыми из холщовой дорожной сумки с нашитыми поверх полосами дубленой кожи. Пастуший шалаш, привыкший к шумным, говорливым людям, гор-

ланиям песни и далеко за полночь пугающим друг друга страшными сказками, удивленно внимал тишине, – и когда легкий ночной дождь, шурша и притоптывая, прошелся по лесу, спугнув тишину, шалашу стало спокойнее от этих уютно шепчущих звуков.

Листва дрогнула, отдаваясь зябкой ласке капель, глубоко в земле грибница начала свершать темное таинство рождения гриба, переполошенно зацокала одинокая белка в кроне векового бука, и догорающий костер внутри шалаша слабо высветил две прильнувшие друг к другу тени: человеческую и нечеловечью.

– Не могла я иначе, Джош... никак не могла. Ты ведь и сам вор, ты должен меня понимать... Откуда мне было знать, что молодой княжич против отца родного неладное замышляет? Ты, Джош, тоже не всегда знал, что тащишь, а тащил небось!

Это и были первые слова женщины.

Пес заворочался, хрипло kloкоча горлом.

– Хватка теряется, Джош, – усмехнулась женщина, теснее прижимаясь к крупному лохматому телу, и было в ее движении что-то непристойное, непохожее на простое желание добыть побольше тепла. – Помнишь, ты мне говорил: пальцы карманника нежнее соболиного меха! Помнишь небось... Неделю, говорил, не погладишь чужие кошель – на восьмой день и камень с земли не подберешь, выронишь! А моя хватка иная, да только и пробовать ее чаще приходится. Строг был Самуил-баца, отец мой приемный, тяжело учил, всех выучил; одна я, дура, на рожон из-за тебя поперлась... Спи, Джош, это я так, поскулить перед сном захотелось...

Женщина боялась признаться псу, что ей страшно спать. Перед закрытыми глазами все время вставало суровое лицо отца, Самуила-турка из Шафляр, которого шафлярцы прозвали Самуилом-бацой, что на подгальском наречии значило «старший пастух» или попросту «пастырь». Призрачный лик хмурился, сдвигая косматые брови, в выпуклых жабьих глазах турка блестел гневный огонь, и почему-то из-за плеча отцовского выглядывало, издевательски показываясь, рыжее петушиное перо.

Женщина уже видела однажды залихватски заломленный берет, на котором серебряной пряжкой было заколото точно такое же перо.

Если бы она могла молиться, то молилась бы, чтоб ей не довелось увидеть его во второй раз.

«Прости, батяня Самуил, – губы женщины беззвучно шевелились, заставляя одноухого пса вздрагивать и на миг выныривать из чуткой собачьей дремы, – прости ослушницу... Ведь знала же, помнила, в душе тавром выжгла слова твои: „Не воруйте, дети, у дьявола, ибо дьявол берет по праву обмана, но все же по праву; а мы просто берем! Опасайтесь многих, но не бойтесь никого – кроме Великого Здрайцы!“³ Вот и вышло так, Самуил-баца, что твоя глупая дочь Марта, бывшая гроза шафлярских мальчишек, бежит теперь испуганной косулей от охотника, и нет ей убежища на всем белом свете! Ах, Джош, Джош-Молчальник, что ж ты сделал со мной!.. Что я сама с собой сделала...»

Когда женщина, зовущая себя Мартой, все же заснула, то приснился ей день, когда она впервые поняла недозрелым детским умишком, что родилась воровкой.

В тот день она чуть было не украла у приемного отца удовольствие от послеобеденной трубки.

А Самуил-баца поймал ее, что говорится, за руку и потом долго смеялся, раздувая ноздри орлиного носа и топорща жесткие седые усы.

Дождь бродил вокруг шалаша, и Марта теснее прижималась к теплому боку пса, вздрагивающего во сне.

³ Здрайца – по-польски означает то же, что и древнееврейское «сатан», то есть сатана: изменник, предатель, противоречащий.

Джошу снился ночной лес, гроза и человек, повешенный на собственном поясе, привязанном к потолочной балке заброшенной сторожки.

Джошу снился он сам.

3

Без малого полвека минуло с той памятной весны, когда стояли снега и со стороны весело зазеленевшей Магурской Громады явился в Шафляры незнакомый турок. Впрочем, турком прозвали его сами шафлярцы за длинную, диковинно выгнутую трубку, которая вечно дымилась у незнакомца в зубах, да еще за внимательные смоляные глаза навывкате. Темной же мастью и птичьим носом здесь трудно было кого-нибудь удивить – добрая половина бескидских мужиков была чернявой и клювастой. Поселился гость в хате столетнего дедушки Кшися, и все три с половиной года, что остались старику до прихода костлявой, не мог нарадоваться одинокий Кшись на своего постояльца, которого перед смертью назвал сыном. Сами шафлярцы, не шибко жаловавшие чужаков, тоже на удивление быстро привыкли и к пришельцу, и к его имени Самуил, непривычно звучащему для местного слуха. Работал Самуил-турок за троих, на святые образа крестился исправно, пил с умом, ругаться умел так, что самые завзятые сквернословы плотней натягивали бараньи шапки на уши и хмыкали в курчавые бороды, девок без нужды не портил, а мужние бабы частенько бегали в лес за ушедшим на охоту Самуилом в отсутствие законных муженьков, выгнавших стада к Озерам.

Но детей от турка не рождалось, а на горячем он не попадался.

Так что все были довольны, потому как по эту сторону Татр любили иметь в доме хозяйку, которая нравится другим, – раз со мной живет, значит, и я не из пустобрехов.

Опять же последнюю неделю перед смертью дедушки Кшися, во времена его молодости не раз и не два выбиравшегося бацой – старшим пастухом, чье слово для прочих главней отцовского, Самуил-турок безвылазно сидел в хате, поил старика травяными отварами и держал за иссохшую руку, забывая поесть и урывая клочки сна, когда старика чуточку отпускало. А после похорон впервые отправился с шафлярскими пастухами в Косцелец. И те, кто помнил тот давний выпас, говаривали, что словно дедушка Кшись встал из гроба и каркающим голосом Самуила-турка отдавал приказы: дойных овец и коз отправить на Крулеву гору, баранов с козлами и ярк с ягнятами – здесь оставить, коров к Озерам, волов согнать в редкий лес над речкой...

Так и стал с того дня из Самуила-турка Самуил-баца.

А к неизменной трубке добавилась в руках Самуила пастушья чупага – малый топорик на длинном древке, с медными колечками на конце топорича. Всякий уважающий себя подгальский пастух умел в танце прыгать через свою чупагу, ухватившись руками за лезвие и за топориче, а когда поднимался пастуший топорик не для забавы, а для мужской кровавой потехи, то частенько приходилось после сколачивать домовины для неудачников.

Тут поначалу косились на Самуила односельчане – что-что, а прыгать козлом новый баца был не горазд. Как-то раз явился в Шафляры Мардула-разбойник, знатный овцекрад, о котором говаривали, что ему человеку шею свернуть – как иному высморкаться. Явился и давай шутки шутить: дескать, в старом стаде новый вожак, холощенный валух шафлярских баранов водит! Слово за слово, встали друг перед другом Самуил с Мардулой-разбойничком на зеленом лугу, заметался неистовый Мардула вокруг хмурого турка, как грозовой вихрь вокруг старого утеса, плеснула медным звоном Мардулина чупага... пляшет Мардула, а в руках у Самуила-бацы уже две чупаги: и своя, и разбойничья. Что сделал, когда успел, как утес у вихря молнию из пальцев выкрал, не увидели того шафлярцы. Схватился Мардула за нож, рванул из-за пояса и замер на месте, ровно забыл, что с ножом делать собирался.

– Ты чего мою чупагу держишь? – спрашивает у турка.

Незлобно спрашивает, скорей удивленно.

– А ты мне ее подарил, – отзывается Самуил-баца. – Только что. Как побратиму. Прими взамен мою, и поклонимся друг другу в пояс.

Когда шафлярыцы позже рассказывали эту небывальщину соседям, то в конце всегда добавляли: хотите верьте, хотите нет, только тем дело и кончилось.

Так и жил Самуил-баца в Шафлярах. На четвертый год женился, взял за себя немую Баганту, овдовевшую еще до его прихода в село, и жил с безъязыкой душа в душу. А детей не имел. Не хотел или не мог, но на вторую зиму после свадьбы исчез из Шафляр до середины весны и по возвращении привел с собой мальчонку. Подобрал где-то. Баганта приняла хлопца как сына родного, Самуил-баца имя приемышу дал – назвали Яном, а пока маленький был, Яносиком звался. С той поры и пошло: раз в три-четыре зимы исчезал Самуил из Шафляр, скитался где-то до полугода и возвращался с приемышем. Когда с мальцом, когда с девкой. И все как один, ледащенькие, чернявые да востроносенькие. Галчата и галчата, словно родные дети турка, а когда охотник Собек бросил как-то со зла: «Воронье!», так назавтра забыл имя родной матери.

Взаправду забыл, на трезвую голову. Ему уж кто только не говорил: «Мамашу твою Кристой зовут!», а он кивнет, полдня проходит, шепча под нос: «Криста... Криста, мамонька...», и к вечеру снова ко всем цепляется: «Люди добрые, как вы маму мою кличете?!»

У самой матери спрашивать стеснялся.

Росли приемные дети Самуила-бацы и немой Баганты, вырастали, стукнул старшему Яну девятнадцатый годок – и ушел Ян из родного дома. Ушел себе и ушел, мало ли с какой стати человеку жизнь в Шафлярах немилой показалась! Ан нет, не так-то просто: следом за Яном спустя три года покинула село и сестра Янова, красавица Тереза. Много парней сохло по статной Терезе, только не выбрала она из них ни единого, жила себе ни богу свечка ни черту кочерга; такой и ушла восвояси. Вот и повелось с тех пор: справит очередной Самуилов приемыш дважды девятый день рождения – откуда только знал Самуил-баца, когда родились его найденыши?! – и вскоре расстается с отцовским домом.

Куда уходили, где оседали – не знал никто.

Разве что, может, кроме старого Самуила. Да этот разве скажет?! Проще немую Баганту разговорить...

И если бы сказал кто шафлярцам, что уважаемый всеми Самуил-баца тайно учит своих приемных детей воровскому ремеслу, поскольку сам природный вор и даже не такой вор, каких мало, а такой, каких и вовсе-то нет на свете, – ох, и намяли бы пастухи болтуну-всезнайке бока!

А зря.

4

Дорога на Тынец испокон веку считалась оживленной. Скрипели повозки, запряженные меланхолично моргающими волами, время от времени пролетал, покрикивая, спешащий верховой, богомольцы серыми стайками брели в тынецкий монастырь, пользующийся славой святого места; по обочине местные пастухи гнали на продажу блеющих овец, и бродячие монахи блудливо цеплялись к бабам, отправившимся с утра на рынок.

Марта ехала на телеге, почти целиком заставленной дерюжными мешками с мукой. Мучная пыль пудрой оседала на темных волосах женщины, набивалась в рот и в нос, затрудняя дыхание, но все же это было лучше, чем тащиться пешком. Одноухий Джош развалистой рысцей бежал рядом, вывалив розовый язык, и искоса поглядывал на правившего волами мельника – тихого крохотного старичка с благодным выражением на выцветшем от возраста лице, отчего мельник напоминал затертые статуи святых, каких много понаставлено заботами окрестных резчиков в церквях Ополя и Тенчина.

С другой стороны телеги шагал сын мельника – низкорослый крепыш с плечами шириной в стол. При виде его медвежьей стати сразу приходило в голову, что мельничиха в молодости согрешила с кем-то из ядреных здоровяков-гуралей⁴, любивших в свободное от разбоя время молотить муку на чужих жерновах.

Изредка сын мельника отставал и, делая вид, что попросту глядит по сторонам, по-звериному быстро косился на собаку Марты, зажигая в глазах неприятные зеленые огоньки. Сама Марта один раз заметила это, но не придавала значения: мало ли что, может, парня в детстве сельские кобели рвали, вот и не любит собак!

Пегая морда Джоша излучала полнейшее равнодушие ко всему на свете.

– До самого Тынца с нами поедешь, дочка? – добродушно спросил мельник, погладив ладошкой вспотевшую на солнце плешь. – Ты думай, а то я еще волов у Жабьей Струги поить стану... что ж тебе зря ждать возле колодца-то!

– А где этот колодец? – поинтересовалась Марта.

– Да тут рядышком, за сгоревшим явором, где поворот к монастырю... Как подъезжать станем, услышишь: лягухи там стрекочут, что твои соловьи!

– Нет, дедушка, тогда я вас ждать не стану. Мне-то как раз в монастырь и надо, к аббату Ивоничу.

– К Яну Ивоничу? Божий человек, таких на нашей земле по пальцам перечесть можно... бедных оделяет, к монастырским крестьянам милостив, исповедует чище святого Павла, чужого гроша в жизни не взял...

Марта невольно улыбнулась, как если бы мельник сказал что-то очень смешное, и старик недовольно заворочался, заметив краем глаза эту улыбку.

– Святой человек ксендз⁵ Ян, – еще раз повторил он с нажимом. – Глядишь, вскорости епископом станет. Люди и так уже судачат: настоятель тынецкого монастыря – и не епископ. Не поладил с кем в Риме, что ли? А ты знакома с ним, дочка, или как?

– Немного. – Марта обеими руками взбила свои пышные волосы, и белесое облачко мучной пыли за клубилось над женщиной.

Мельник прицокнул языком – не то волов подгонял, не то удивлялся, что его случайная попутчица знакома с таким угодным Господу человеком, как Ян Ивонич, настоятель тынецкого монастыря бенедиктинцев.

Подъезжая к Жабьей Струге, издавдала кивавшей им колодезным журавлем, Марта даже не слышала, а скорей почуяла хриплое ворчание Джоша. Не успев ничего сообразить, она метнулась с телеги на землю и мертвой хваткой вцепилась в густую шерсть пса за мгновение до того, как одноухий чуть было не помчался вперед, к колодцу.

– Что с тобой, Джош?! – Марта понимала, что долго ей собаку не удержать, да и вообще Джош-Молчальник был не из тех, кого может удержать женщина.

За что в свое время и поплатился.

Пес упрямо тянул ее к колодцу.

Продолжая одной рукой придерживать собаку, Марта дошла до поворота и увидела Жабью Стругу.

Неподалеку от бревенчатого сруба, ограждавшего колодец, к раскидистой яблоне прижался спиной молодой цыган, скорее цыганенок, выставив перед собой кривой нож.

– Не подходи! – подстреленной рысью шипел парнишка, яростно сверкая глазами, и ярко-алая рубаха его пламенела на ветру. – Клянусь мамой, зарежу! Не подходи!..

⁴ Гуралы – вольные горцы Подгалья, чей быт в родных горах был подобен быту запорожских казаков.

⁵ Ксендз – священнослужитель.

Вокруг толстой ветви яблони был плотно обмотан кожаный повод коня – красавца гнедого, заседланного на удивление старым и поношенным деревянным седлом, на какое не сядет ни один уважающий себя всадник, а тем более природный цыган.

Конь нервничал, мотал головой и фыркал.

Цыгана лениво, с неторопливым спокойствием людей, умеющих убивать, окружало пятеро мужиков. Двое держали короткие, с толстым обухом топоры, более удобные для работы, чем легкие пастушьи чупаги; третий доставал из ножен свой нож, в отличие от цыганского широкий и прямой, а четвертый тряпицей наскоро перевязывал пятому рассеченную руку. Видимо, цыганенок уже успел расстараться. По лицам мужиков ясно было видно, что жить мальчишке остается считанные минуты. Просто никому не хотелось лезть первым и зря кровавиться.

Джош рычал, скалясь страшной пастью, и тянул Марту вперед.

– Это цыган, – успокаивающе бросила женщина псу. – Конокрад. Ты же никогда не связывался с конокрадами, Молчальник! Да что ты, в самом деле, ведь посекут топорами – и его, и нас с тобою!

Пес не слышал.

– Не возьму я их, Джош, – чуть не плакала Марта, из последних сил держа пса. – Сам знаешь, надорвалась я с тобой, много не вынесу... и устала с дороги. С княжичем – это ведь так, забава одна была, как тебе у деревенского дурня яблоко с воза снять... Да стой ты! Черт с тобой, Джош!..

На последних словах Марта поспешно захлопнула рот, наскоро огляделась по сторонам и, отпустив собаку, пошла к мужикам и конокраду.

Джош беззвучно ступал следом.

– За что парня губите, люди хорошие? – спросила Марта, подойдя к раненому.

– Коня свел, падлюка! – ответил тот властным голосом, по которому сразу можно было признать сельского войта. – Я-то думал – все, сгинул жеребец, уведут в Силезию или за Дунай, и пиши пропало... Не успели увести, племя египетское!

– Не подходи! – безнадежно вскрикнул цыганенок. – Ай, не подходи, жизни лишу!

Марта протянула руку и легко коснулась предплечья раненого чуть выше наспех заматанного тряпицей пореза. Человек встрепенулся, хотя порез был пустяковый и, даже задень его Марта, боли особой не причинил бы, потом часто-часто заморгал, словно ему в глаз попала соринка, помотал кудлатой головой и недоумевающе уставился на своих спутников.

– Эй, мужики! – крикнул он. – Погодьте! А за что мы цыгана этого рубить собрались?!

Ближайший обладатель топора – коренастый угрюмый бородач – повернулся и выразительно постучал себя обухом по лбу. Правда, лоб у него даже на первый взгляд был такой, что можно было стукнуть и посильнее – если топора не жалко.

– Сдурел, Саблик?! Он же коня у тебя свел!

– Коня?!

– Ну да! Твоего гнедого! Да ты что, ослеп – вот же твой жеребец стоит!

– Это не мой жеребец! – с уверенностью заявил раненый Саблик.

– Не твой?

– Не мой. Сроду у меня гнедых не водилось.

– Так ты ж сам заорал, как мы к Струге подъехали: держите, братья, конокрада чертова, вражью силу! Я и заметил – вроде бы знакомый гнедой под цыганом гарцует! Еще обрадовался – спешился кучерявый, коня поить стал, а то ушел бы верхами!..

– Не мой конь. – Саблик отвернулся и стал перевязывать пострадавшую руку заново, ловко помогая здоровой руке зубами. – Сроду не водилось у меня гнедых. Не люблю.

– Тогда за что мы цыгана рубим?!

– Не знаю. Может, он в твоё ведро плюнул.

Бородач сунул топор за пояс и вразвалочку подошел к Саблику. Постоял, глядя на того с явным желанием дать раненому по уху, после звучно высморкался Саблику под ноги и двинулся к колодцу.

Остальные, пожимая плечами, потянулись за ним.

Марта проводила их усталым взглядом и направилась к цыганенку.

– Не подходи! – Цыганенок сунул ей в лицо нож, чуть не порезав губу, и теснее прижался спиной к яблоне. – Убью!

Марта не ответила.

– Не подходи! – еще раз взвизгнул парнишка и заплакал, садясь на землю.

Джош облизал цыганенку мокрые щеки и лег рядом, покусывая стебельки травы.

– Мотал бы ты отсюда. – Марта отерла пот со лба и поняла, что испугалась – дико, смертно испугалась, просто раньше не успела это заметить, а и заметила, так не пустила в сердце.

Кинулся бы Джош-сумасброд на мужиков, лег бы под топорами за дурость свою неумную...

– Друз, – забормотал цыганенок, уставясь в землю. – Зовут меня Друз!.. Я для тебя, госпожа, я за тебя... Наш табор в Силезию третьего дня ушел, там ярмарка знатная, а я не успел!.. Задержался я тут... Хочешь, госпожа, вынь мою душу, топчи ее, дави каблуками – благодарить стану, в ножки поклонюсь! Хочешь?!

Золотая серьга в его левом ухе качалась, играя солнечными зайчиками.

– Дурак ты, Друз-конокрад, – устало отозвалась Марта, вздрогнув при словах Друза о душе. – Прыгай-ка лучше в седло и гони к своим в Силезию. Опомнятся мужики – ни я, ни Господь Бог тебя с их топоров не снимут. Понял? А гнедого твоего Бовуром звать – так и запомни, потому что на другое имя он не откликнется. И не надо на меня глазеть, рот разинув, я тебе не икона Божьей Матери... Ну, скажи!

...Старичок-мельник, так и не выпрягший волов из своей телеги, от края дороги наблюдал за происходящим. Когда пыль взвилась за цыганом Друзем, прилипшим к спине краденного жеребца, мельник покачал головой и задумчиво оттопырил нижнюю губу.

– А не та ли это баба, о которой давеча ночью нам Петушиное Перо сказывал? – спросил он у самого себя.

И сам себе ответил:

– Может, и та. А спешить все равно не надо...

– Какая баба? – поинтересовался его могучий сын, исподлюбя поглядывая на припавшего к ведру одноухого пса.

– А та, что у черта купленную душу из-под носа увела. Как цыган коня из чужой конюшни.

Мельник еще раз покачал головой, улыбнулся тихой бесхитростной улыбочкой и повторил:

– А спешить все равно не надо...

5

Стены тынецкого монастыря, сложенные из тщательно пригнанных друг к другу глыб тесаного камня, выросли перед Мартой и Джошем как из-под земли. Вот еще только что был лес, тропинка петляла меж задумчивыми сумрачными вязами и древними дубами, не позволявшими видеть ничего дальше ближайших стволов, – и вдруг лес как-то сразу кончился, словно обрезанный гигантским ножом, а над головами уже нависают отвесные монастырские стены, больше смахивающие на крепостные. Тынецкий монастырь в смутные времена и впрямь частенько служил крепостью, причем стены, на которые сейчас с искренним благоговением

смотрели Марта и Джош, ни разу не были взяты неприятелем. То ли Господь хранил святых отцов и укрывшихся у них мирян, то ли закованный в камень оплот веры просто оказался не по зубам нападающим. Впрочем, одно другому не помеха, и даже наоборот...

Вблизи, когда путники оказались перед массивными, окованными железом воротами монастыря, ощущение давящей на плечи огромной массы сурового камня только усилилось. И, стараясь развеять это гнетущее впечатление, усугубляемое царившей вокруг тишиной, Марта решительно и громко трижды ударила в ворота привешенным снаружи чугунным кольцом.

Некоторое время ничего не происходило. Потом по ту сторону ворот послышались неспешно приближающиеся шаги, и в левой створке со скрипом отворилось небольшое окошечко. Спустя мгновение в нем возникла остроносая физиономия монаха-привратника, сверлившего Марту подозрительным взглядом.

– Кто такая? – не приветливо осведомился монах. – Зачем явилась?

– Марта Ивонич я, сестра настоятеля вашего, – скромно потупила глаза Марта. – Совета пришла спросить у святого отца, брата моего в миру.

– Сестра? – в скрипучем голосе монаха звучало подозрение, готовое перейти в уверенность. – Что-то не припомню я, чтоб у аббата Яна сестры водились!

– А ты у него самого спроси, отче, – кротко улыбнулась Марта, проводя ладонью по гладкому дереву ворот и как бы случайно задев при этом торчавший из окошка длинный монашеский нос.

Привратник отшатнулся, хотел было выругаться, но вдруг застыл на месте, словно пытаясь что-то вспомнить. Так и не вспомнив, обреченно махнул рукой и начал вытаскивать из петель тяжелый засов.

– Входи, сестра, – виновато пробормотал он, впуская Марту и юркнувшего следом одного пса. – Для тех, кто просит у нас совета и утешения, двери наши всегда открыты. Сейчас схожу, доложу отцу настоятелю...

6

Являвшихся к нему мирян настоятель тынецкого монастыря ксендз Ян Ивонич предпочитал принимать не в исповедальне и не в аббатских покоях, а в узкой келье, где, кроме жесткой лежанки, грубой деревянной скамьи и низкого стола из некрашенных дубовых досок, ничего не было.

За исключением распятия на стене, разумеется.

Здесь отец Ян молился в одиночестве, здесь же выслушивал исповеди родовитых шляхтичей и шляхтянок, претендующих на особое внимание аббата, отпускал грехи, давал советы, после которых многие уходили с облегченным сердцем, а кое-кто и вскоре принимал постриг. Знали бы эти люди, что на самом деле происходило в то неуловимое мгновение, когда бремя грехов спадало с их души или когда важное решение, еще минуту назад рождавшее бурю сомнений, вдруг оказывалось простым и единственно возможным! Но люди покидали монастырь, аббат оставался, и все шло своим чередом.

Отца Яна многие считали святым. И хотя прижизненная канонизация ему не грозила – даже святой Станислав Костка сподобился приобщения к лику лишь после того, как отдал Богу душу, – тем не менее тынецкие отцы-бенедиктинцы и священнослужители соседних монастырей были твердо уверены, что уж епископский-то сан не минует ксендза Ивонича, причем в самое ближайшее время.

И только сам отец Ян, Яносик Ивонич, старший из приемных детей Самуила-бацы, знал истинную цену своей святости.

Кроткий аббат был вором.

Сонмы греховных мыслей и вожделений, сомнений и страхов, украденных из голов исповедующихся и просящих совета мирян, терзали его. Люди уходили просветленными и очистившимися, чувствуя в себе благодать Божию, люди называли отца Яна святым, а он оставался один на один с их гордыней, любострастием и чревоугодием, все чаще не выдерживая, срываясь и долго потом замаливая собственные – а по сути, чужие – прегрешения... Когда молодой Яносик становился послушником, а затем принимал постриг и давал обеты, он и представить не мог, с чем ему придется столкнуться в стенах монастыря, этой обители веры и благочестия! Да будь он действительно святым – никогда бы не достичь Яну Ивоничу не то что епископского сана, но и должности настоятеля, в которой он сейчас пребывал. Свято место пусто не бывает, желающих на него предостаточно. И плетутся в стенах монастырей интриги не хуже, чем в королевских дворцах и княжеских замках; редко, очень редко пускают в ход святыя отцы яд и клинок, зато клевета и наветы ядовитее иной отравы и острее булатного ножа. Будь ты хоть трижды блаженным бессребреником – епископом до самой смерти не станешь, ибо найдутся угодники похитрее, попроворнее тебя!

Все это ксендз Ян понял быстро. А поняв, принялся за дело. Самуил-баца мог гордиться старшим сыном: не раз кто-нибудь из отцов-бенедиктинцев внезапно забывал, о чем хотел донести тогдашнему аббату, или прилюдно спотыкался посреди молитвы, запамятавав слова, годами беспрепятственно слетавшие с языка; а то и сам престарелый настоятель начинал вдруг ни с того ни с сего благоволить к молодому монаху, которого еще недавно считал юным выскочкой, метившим на его место (и совершенно правильно считал!)...

День за днем, год за годом украденные во имя благой цели черные думы, корыстные помыслы, зависть, тщеславие, доносы и интриги скользкой плесенью оседали в душе брата (позже – отца) Яна, и время от времени Ивонич начинал задыхаться, тонуть в этой мерзости, не отличая врожденного от краденного. Тогда он на несколько недель исчезал из монастыря – якобы по делам святой католической церкви, – в потайном месте сменял свое одеяние на мирское и ударялся во все тяжкие, ныряя с головой в пучину пьянства, чревоугодия, кутежа и продажной любви, давая выход накопившимся в нем чужим страстям и желаниям.

Это случалось нечасто – лишь тогда, когда кладовая его души оказывалась переполнена той дрянью, которую отец Ян выносил из чужих душ. Для блага других – и ради собственной выгоды. Всяко бывало, и до сих пор мучился сорокалетний аббат Ян, считавшийся святым, страшным вопросом: благо творит он или зло? Угодно ли Богу то, что он делает, или уже ждет его в аду сатана, радостно потирая руки в предвкушении?..

Ответа настоятель не нашел до сих пор.

7

Присев на край узкого монашеского ложа, Марта молча наблюдала, как отец Ян не торопясь устраивается на скамье напротив нее. Строгое бледное лицо аббата с высоким лбом и обильно усыпавшей виски сединой действительно напоминало лик святого, и Марта подумала, что Яносику весьма пошел бы светящийся нимб вокруг головы. На аббате была белая длиннополая риза с пелериной, какую носили все бенедиктинцы, но, даже не зная, кто он, Марта никогда бы не спутала Яна с рядовым монахом из ордена св. Бенедикта или любого другого.

– Ну, здравствуй, сестра, – негромко сказал аббат и посмотрел ей прямо в глаза.

– Здравствуй... святой отец, – чуть улыбнулась Марта.

Улыбка вышла печальной и едва ли не вымученной.

– Давно мы не виделись с тобой, Марта. И поэтому я не верю, что ты случайно появилась здесь. Рассказывай.

– Не знаю даже, с чего начать, Ян...

– С начала, Марта, с начала. Слыхала небось, что в начале было Слово?

– С начала? Я нарушила одну из наших заповедей, Яносик.

– Какую же? – тонкие брови аббата еле заметно приподнялись, но на лице при этом не дрогнул ни один мускул.

– Я встала на пути у Великого Здрайцы.

На этот раз Ян не смог скрыть своего волнения.

– Ты рискнула помериться силами с Нечистым?!

– Да.

– И... что же?

– Я украла у него душу. Душу, купленную им; душу, которая принадлежала ему по праву. И с тех пор он ищет меня. Меня и того, в ком отныне живет принадлежащая ему душа.

После этих слов женщины в келье повисла долгая звенящая тишина, лишь когда снаружи донесся приглушенный звук колокола, отец Ян очнулся и тыльной стороной ладони вытер вспотевший лоб.

– Но это невозможно! То, что ты рассказываешь, – это даже не ересь! Это чушь! Этого не может быть согласно догматам церкви; этого не может быть с позиций здравого смысла; если у тебя нелады с церковью и здравым смыслом – этого не может быть, потому что так учил нас наш приемный отец Самуил! У тебя попросту не хватило бы сил вынести наружу целую душу – если предположить, что вообще можно украсть погибшую душу у дьявола!..

– Этого не может быть. Но это было. Мне действительно не хватило сил, брат мой Ян, и я серьезно надорвалась во время кражи. Сейчас я не в состоянии украсть ничего большего, чем лежащие на самой поверхности мелочи, но тогда... тогда у меня не было другого выхода, – просто ответила Марта.

– И ты хочешь, чтобы я помог тебе? Помог против Великого Здрайцы?

– Когда я заблудилась в Кривом лесу, именно ты, Яносик, нашел меня и привел домой. Когда ты дрался с шафлярскими мальчишками, я прикладывала к твоим ссадинам подорожник. Теперь ты аббат, многие считают тебя святым, хоть это, наверное, и не так. И ты – наш. К кому мне было еще идти? Отец стар... Если мне не поможешь ты, то больше не поможет никто.

– Но я не знаю, чем тебе помочь! Разве что предложить уехать в Рим или постричься в монахини... вместе с тем, кто носит украденную тобой душу. Марта, я сделаю все, что смогу – хотя и сомневаюсь, что кто-либо из людей способен помочь тебе, даже Его Святейшество. Но для начала я должен хотя бы узнать, *как* это произошло!

– Хорошо, отец Ян. Я все тебе расскажу. Ты принимал много исповедей – прими и эту.

Глава II

1

Баронесса Лаура Айсендорф, супруга Вильгельма фон Айсендорфа, чертовски нравилась мужчинам. Этого отрицать не мог никто, и сама баронесса прекрасно это знала; к тому же Лаура была неглупа – редкое сочетание! – и вертела мужем как хотела, на словах во всем соглашаясь с суровым бароном. Но людей, как правило, обуревают желания, лишь разрастающиеся по мере их удовлетворения, и в первую очередь это относится к красивым женщинам. Лаура Айсендорф была натурой исключительно страстной и любвеобильной, пылких чувств ее с лихвой хватало помимо мужа еще на двух-трех достойных кавалеров, которых баронесса частенько меняла. Что, естественно, не могло укрыться от охочего до сплетен венского света. Впрочем, рассказывать о похождениях гулящей Лауры ее законному супругу опасались, зная вспыльчивый характер барона и его репутацию записного дуэлянта. Так что некоторое время после свадьбы барон пребывал в счастливом неведении относительно «причуд» своей супруги, а баронесса, уверовав в собственную безнаказанность, окончательно потеряла чувство меры и пустилась во все тяжкие, нередко уединяясь с очередным избранником в укромной комнате прямо во время бала или приема.

Долго так продолжаться не могло по вполне понятным причинам, и во время одного из приемов в Хофбурге все открылось. Барон был вне себя, поздно спохватившаяся баронесса – в ужасе от предстоящего, незадачливый любовник – в преддверии надвигающейся дуэли, гости – в предвкушении грандиозного скандала... Но на людях фон Айсендорф, последний отпрыск славного рода, нашел в себе силы сдержаться, решив дома дать волю праведному гневу. Они с баронессой уже направлялись к выходу, когда какая-то случайно оказавшаяся на приеме девица – судя по одежде и манерам, дочь провинциального и не слишком богатого дворянина – шепнула на ухо проходившей мимо баронессе: «Не беспокойтесь, ваша милость, ваш муж уже все забыл. Но впредь умоляю – будьте осторожнее...» От Лауры не укрылось, что девица невзначай коснулась руки Вильгельма – и барон вдруг запнулся в дверях, удивленно посмотрел на супругу, оглянулся на покидаемый ими зал; затем, похоже, собрался вернуться, но передумал, и супруги Айсендорф отбыли в своей карете.

К великому изумлению и радости баронессы, дома муж был с ней ласков и ничего не помнил о случившемся на приеме. Слова девицы полностью подтвердились.

Поэтому, когда на очередном балу Лаура увидела мелькнувшее среди гостей смуглое лицо, запомнившееся ей в связи с памятным случаем, она тут же направилась к спасительнице. К концу бала Лаура души не чаяла в Марте, и последняя на следующий же день переехала в поместье Айсендорфов, сделавшись в одночасье компаньонкой и доверенной подругой баронессы. Возникшие поначалу сомнения в происхождении Марты, сказавшейся младшей дочерью захудалого силезского шляхтича, как-то сами собой улетучились, равно как и недоумение по поводу того, почему это девушка из хорошей семьи путешествует одна, без сопровождающих; барон, пытавшийся что-то возразить жене, вскоре махнул рукой на ее очередную прихоть – и молодая Марта прочно обосновалась в имении Айсендорфов.

Надо сказать, что баронесса, при всем своем расположении к новой компаньонке, немного побаивалась Марту, хотя не признавалась в этом даже самой себе. Недаром же разъяренный Вильгельм фон Айсендорф, прознавший об очередном романе своей супруги, в присутствии Марты мигом становился кротким, как ягненок, мгновенно забывая как о своей

недавней ярости, так и о ее причине, спеша извиниться перед баронессой за то, что ворвался к ней столь нелепым образом, сгоряча и непонятно зачем!

«Ведьма!» – думала временами Лаура о своей компаньонке, и гнев, мелькавший в глазах Марты в моменты умирения барона, только способствовал укреплению баронессы в этом мнении.

Но баронесса была женщиной решительной и не слишком набожной, и ведьма, которая верно служит ей, Лауре, исправно отводя от нее гнев мужа, баронессу более чем устраивала.

Так что Марта регулярно получала в подарок новые платья, а иногда и жемчужное ожерелье, пользовалась полной свободой и не слишком обременяла себя какими бы то ни было обязанностями, попросту сопровождая супругов Айсендорф на все балы и званые вечера. Быстро освоившись в высшем венском свете, с легкостью перенимая или ворую аристократические манеры, она без особых сложностей научилась носить любые наряды с достоинством королевы, вести светские беседы и быть в курсе всех сплетен (ну, как раз это для подгальской воровки оказалось легче всего!). О такой жизни приемная дочь Самуила-бацы из Шафляр могла только мечтать. И Марта с головой окунулась в сверкающий водоворот балов, карнавалов, чопорных выездов и тайных страстей, кипевших за фасадом внешней респектабельности и благопристойности.

Зная скромные достоинства своей внешности, еще более тускнеющие рядом с ослепительной баронессой Айсендорф, Марта была удивлена, когда и вокруг нее начали увиваться молодые люди, в том числе и один виконт. Выгодно выскочить замуж было весьма заманчиво, но Марта с этим не спешила, да и молодых людей интересовала пока что отнюдь не свадьба. Благосклонно принимая ухаживания и дорогостоящие знаки внимания, Марта предусмотрительно держала своих кавалеров на расстоянии, периодически извлекая из голов слишком рьяных заранее заготовленную фразу или память о вчерашнем разговоре, – и кавалеры смущались, краснели и на время оставляли Марту в покое.

Женить на себе одного из этих самоуверенных хлыщей Марта могла без труда, но образ жизни баронессы Айсендорф ее отнюдь не вдохновлял, да и никто из ухажеров не нравился Марте настолько, чтобы решиться связать с ним свою дальнейшую жизнь.

Как часто бывает, все решил случай; и случай этот звался Джозефом Воложем.

2

Джозеф Волож был карманником. Ловким, удачливым, веселым, но карманником. Из тех, кому тесно в собственной шкуре, кто походя украдет увесистый кошелек, набитый золотом, не забыв вместо него подсунуть разине-владельцу столь же увесистый камень, завернутый в платок, который пострадавший с изумлением и негодованием обнаружит, лишь придя домой; из тех, кто половину добычи легкомысленно раздаст нищим пропойцам, на остальное щедро угостит своих приятелей, а к утру вновь останется ни с чем и, весело насвистывая, отправится на промысел.

Воровать Джозеф предпочитал у богатых. О, отнюдь не потому, что совесть не позволяла ему обкрадывать бедных – если нужда припечет, то очень даже позволяла! Покладистую совесть в данном случае заменял простой и верный расчет: у богатых людей денег больше. Значит, украв один раз, можно безбедно жить некоторое время, прежде чем придется снова прибегнуть к своему ремеслу. А если щипать кошельки слишком часто, да еще в одном и том же городе, – возрастает риск попасться. Джозеф не хотел уезжать. Вена ему нравилась. Он с удовольствием ходил в оперу – и не только «работать», – он любовался венской архитектурой, ему были по душе здешние трактиры и здешние женщины...

Джозеф жил в Вене уже больше года и намеревался пожить еще – сколько сможет.

Но Джозеф был карманником. *Всего лишь* карманником. И очень скоро выяснил, что карманники, с точки зрения венского «дна», – отнюдь не самый привилегированный слой воровской гильдии.

В Вене испокон веку ценились домушники. Именно они считались здесь воровской элитой, хотя Джозеф так и не смог понять – почему? Такое положение вещей задевало его профессиональную гордость, и как-то раз Джозеф сгоряча бросил своеобразный вызов Арчибальду Шварцу по кличке Грыжа – признанному авторитету среди венских домушников.

– А слабо кошелек срезать, Грыжа?! По особнячкам-то, особенно когда хозяев дома нету, а прислуга по кабакам гуляет, всякий шастать сумеет!

Как ни странно, Грыжа не обиделся, не стал хвататься за нож, а всего лишь нехорошо усмехнулся в пышные прокуренные усы.

– Отчего же, приятель? И по домам шастать несложно; и кошель у раззявы смастырить не Бог весть какое искусство! Срезал, распотрошил его за углом, пересчитал скудное звонилло, поплакал над судьбой своей горемычной – и просадил все за вечерок! Что, не так?! В особнячке-то подломленном одним кошельком не обойдется!

– В ином кошельке добра поболее, чем в твоём доме! – в тон Арчибальду возразил Джозеф, за свой длинный язык носивший в воровской среде кличку Джош-Молчальник. – А пальчики карманника, дружище Шварц, это тебе не твоя тупая отмычка!

– Значит, договорились, – еще раз усмехнулся Грыжа, допивая пиво. – Я кошелек срезаю, – а ты дом чистишь. Оба чисто работаем, в полную силу. И посмотрим, кто в чужом ремесле больше смыслит и добычу ценней принесет. Три дня сроку.

– Дом? – опешил Джош-Молчальник, не ожидавший такого оборота дела. – Я?!

– Дом, – весело подтвердил Грыжа, и всякий, хорошо знающий Арчибальда Шварца, понял бы, что шутки кончились. – И именно ты. А ты как думал, трепач?! Ты мне, понимаешь, по чести моей воровской ногами топчешься, а я – сопли утри и слушай?! Нет уж, голубь залетный, – баш на баш. Ну, а кто проиграет, тот в этом же трактире на четвертый день при всех наших под стол залазит и публично отлаивается: дескать, сбrehал, как собака, и прощения прошу. Ну как, согласен?!

В хитрых глазах Молчальника-Джоша зажглись шальные искорки.

– Согласен! Через три дня здесь, – и он протянул руку Арчибальду Шварцу.

– Смотри пупок не надорви! – насмешливо бросил Грыжа в спину Джозефу, когда тот выходил из трактира.

3

Богатую усадьбу на окраине Вены Джозеф присмотрел еще в первый день отпущенного ему срока. Массивная чугунная ограда с золочеными львами на верхушках полированных гранитных столбиков, широкие узорчатые ворота, посыпанные крупным гравием идеально прямые дорожки, пересекающие начинавшийся за оградой парк на правильные четырехугольники, ухоженные клумбы с яркими цветами – и трехэтажный дом со стрельчатыми окнами и колоннами у входа, множеством флигелей и пристроек, с двумя конюшнями...

Здесь явно было чем поживиться и утереть нос самодовольному Грыже.

Без особого труда пробравшись на чердак особняка победнее, расположенного как раз напротив заинтересовавшей его усадьбы, Джош-Молчальник извлек предусмотрительно купленную утром подозрную трубу и, устроившись поудобнее у слухового окна, занялся наблюдением.

До ужина он успел выяснить, где находятся кухня и помещения для слуг, достаточно точно определил месторасположение черного хода (хотя сама дверь была ему не видна) и,

решив, что для начала достаточно, отправился подкреплять свои силы добрым стаканом вина и изрядной порцией столь любимого им бараньего жаркого.

Подходящий трактир нашелся неподалеку, и тут Джозефу неожиданно улыбнулась удача: в одном из посетителей он безошибочно признал виденного утром садовника из выбранного для показательного грабежа поместья.

Садовник, рыжеволосый крепыш со здоровым румянцем на щеках и крупной родинкой под левым глазом, отчего казалось, что он все время шуруется и хитро подмигивает, с пользой проводил время: перед ним на столе стояли два здоровенных кувшина с вином, один из которых был уже наполовину пуст.

Излишне уточнять, за какой именно стол поспешил присесть Джош-Молчальник.

Садовник попался не слишком разговорчивый, да и открыто приставать к нему с вопросами было опасно, но когда во втором из кувшинов показалось дно, язык у садовника наконец развязался. Так что вскоре Джозеф узнал и о скандальных похождениях Лауры Айсендорф, и о ее странной компаньонке Марте, жившей в поместье уже не первый год, и о необъяснимой забывчивости самого барона, но только... тс-с-с... кто ж будет господину напоминать, да еще о *ТАКОМ!*.. себе дороже...

Особенно заинтересовало Джоша упоминание о коллекции старинных ваз со всех концов света, которую собрал еще покойный отец барона Вильгельма. Впрочем, о вазах садовник упомянул мимоходом и, потребовав еще вина для себя и для своего нового друга, начал заплетаящимся языком рассказывать Джозефу о хитростях подрезки яблонь, времени высадки роз и прочих премудростях садовничьего ремесла. Джош терпеливо слушал, понимающе кивал и время от времени пытался вернуть разговор в интересующее его русло, но это ему никак не удавалось – садовник прочно сел на любимого конька, и свернуть его мысли из накатанной колеи не представлялось возможным.

Наконец садовник, которого, как под конец их содержательной беседы выяснил Джозеф, звали Альбертом, решил, что пора идти домой. Но тут стало очевидным, что на ногах Альберт стоит весьма нетвердо, а передвигаться может, лишь держась за что-нибудь, а лучше – за кого-нибудь. Естественно, этим «кем-нибудь» с радостью вызвался быть его новый друг Джозеф. Благо и идти до поместья было всего ничего.

– Н-нет, через в-ворота м-мы не пойдем! – заявил пьяный, но явно опытный в похождениях подобного рода Альберт. – Тут есть кх-кхалитка, так я через н-нее завсегда, когда это... как сейчас... – и он плевком указал Джошу, куда его следует тащить.

Калитка оказалась заперта на хлипкую щеколду, которую несложно было открыть с любой стороны, и даже не скрипнула, когда качнувшийся Альберт навалился на нее всем своим грузным телом. Видимо, слуги, после очередной попойки нередко возвращавшиеся в поместье этим путем, исправно смазывали петли.

– А собаки нас не порвут? – с беспокойством поинтересовался Джозеф.

– Не-а! – уверенно мотнул головой Альберт. – Их майн либер Гельмут за восточным флигелем д-держит, где конюшни. И на привязи. Чтoб, значит, ни гу-гу... Когда м-мы, как сегодня...

Джозеф проводил садовника до дверей пристройки, служившей Альберту жильем, подождал снаружи, пока тот захрапит, и быстро огляделся.

Луна светила ярко, и Джош почти сразу разглядел дверь черного хода, расположение которой установил еще днем, наблюдая за перемещениями слуг. Бесшумно скользнув в тень нависавшего над ним дома, Джозеф тронул холодную бронзовую ручку и легонько потянул ее на себя. Дверь слегка поддалась, но окончательно открываться не захотела.

«Крючок. Изнутри, – догадался Джош-Молчальник. – Ножом поддеть – и всех дел. А замка или нет, или им не пользуются. Ну, Грыжа...»

Он довольно усмехнулся и направился к калитке. Был немалый соблазн забраться в дом прямо сейчас, но Джозеф давно уже не был новичком.

Торопливость – удел дураков.

4

Еще один день Джош потратил на изучение распорядка дня в доме, а вечером, наблюдая за освещенными окнами, пытался определить, в какой из комнат может находиться заинтересовавшая его коллекция. Джозефу казалось, что это ему почти удалось; во всяком случае, нужная комната располагалась явно в северном крыле дома, и скорее всего, на втором этаже. Для себя Джош отметил несколько подходящих окон и прикинул, куда ему надо будет двигаться.

Большого за столь короткое время узнать было невозможно, и Джозеф решил положиться на удачу и собственную ловкость. Вряд ли спящий дом обчистить сложнее, чем карманы прохожего.

Калитка, как и в прошлый раз, открылась без скрипа, и Джош неслышной тенью скользнул к черному ходу. У самой двери замер, прислушался. Все было спокойно, ночь стояла прозрачная и тихая, как скромно потупившая глаза невеста у алтаря, втайне ждущая, когда останется с женихом наедине и тот наконец сможет взять ее.

Пришедшее на ум сравнение очень понравилось Молчальнику. Он глубоко вздохнул, одним движением извлек легко выскользнувший из рукава узкий нож, аккуратно подцепил им крючок и, не вынимая лезвия из щели, тихонько повел руку вниз – чтобы крючок не звякнул.

Не звякнул.

Дверь чуть слышно скрипнула, открываясь, и Джош плавно прикрыл ее за собой. Постоял немного, привыкая к темноте. Он прихватил с собой потайную лампу, но пользоваться ею без особой нужды не хотел. Нашупал откинутый крючок и бесшумно поставил его на место – если кто-нибудь вздумает среди ночи проверить запоры, то ничего не заподозрит.

Лестницу он успел мельком разглядеть, еще когда открывал дверь, и теперь направился к ней, при каждом шаге ощупывая пол впереди ногой в мягком замшевом сапоге.

Вот и ступеньки.

Вверх.

Площадка. Промежуточная. Еще вверх.

Второй этаж.

Теперь – направо.

Ручка следующей двери с негромким щелчком подалась, и Джош оказался в огромном коридоре. Здесь было значительно светлее – из высоких стрельчатых окон падал призрачный лунный свет, после чернильной темноты лестницы показавшийся Джошу едва ли не ослепительным.

Он быстро прошел в конец коридора, миновав несколько боковых анфилад, ведущих в покои барона, баронессы и той странной компаньонки, о которой упоминал Альберт.

Интересующая его дверь тоже подалась легко; здесь снова было темно, и лишь узенькая полоска лунного света выбивалась из-под задернутой шторы.

«Если коллекция тут, то в такой темени недолго и разгрохать половину, а заодно и весь дом перебудить!» – с тревогой подумал Джош-Молчальник, но зажечь лампу все же не решился. Вместо этого он ощупью двинулся к окну, намереваясь раздвинуть шторы и воспользоваться естественным освещением, которого ему наверняка будет вполне достаточно.

Неожиданно рука его наткнулась на что-то гладкое и выпуклое; предмет качнулся, но Джош в последний момент успел подхватить его и поставить на место. Ваза! – дошло до вора, и он с двойным облегчением перевел дух: во-первых, его расчеты полностью подтвердились, а во-вторых, он прекрасно представлял, какого грохота только что чудом избежал. Подождав, пока

сердце в груди успокоится, Джозеф благополучно добрался до окна и отодвинул штору. Поток лунного света хлынул внутрь мгновенно преобразившейся комнаты, и Джош удовлетворенно повернулся, желая осмотреть поле предстоящей «работы».

Но не огромные вазы китайского фарфора, не серебряные турецкие кувшины с лебедиными шеями и не миниатюрные золотые вазочки работы итальянских мастеров первыми бросились ему в глаза.

У двери стояла смуглая черноволосая девушка в полупрозрачном пеньюаре и с легкой усмешкой наблюдала за ним.

5

Сомнений не было – перед Мартой стоял вор. И, разумеется, не ворующий людские помыслы, как она сама, а обыкновенный домушник. Марте было немного страшно – в родных Шафлярах крали только скот, и с «обычными» ворами она до сих пор не сталкивалась, но любопытство пересилило. Светская жизнь успела порядком ей надоесть, а тут вдруг такое приключение!

Марта еще сама не знала, что будет делать. Проще всего было громко закричать, позвать слуг или самого барона, но вору ничто не мешало в любой момент высадить стекло и выпрыгнуть в окно, и кроме того... перед ней был в некотором роде собрат по профессии, ибо Марта отнюдь не строила иллюзий на свой собственный счет. Да и сам молодой человек, испуганно застывший у окна, был ей чем-то симпатичен.

И вместо пронзительного визга или сакраментального и совершенно идиотского вопроса: «Что вы здесь делаете?!» Марта просто констатировала:

– Вы вор. И пришли сюда за вазами барона.

– Да! – от растерянности Джозеф не нашелся, что соврать, и сказал правду.

– Тогда я бы посоветовала вам не брать китайские вазы – они очень хрупкие и тяжелые, вряд ли вы донесете хоть одну в целости. Кроме того, мне они очень нравятся.

– Вы, насколько я понимаю, Марта, компаньонка баронессы? – нашелся наконец пришедший в себя Джозеф.

– О, вам даже это известно! – Марта оценила наглость этого молодого человека и то, как быстро он справился со своей растерянностью. – В таком случае представьтесь, раз уж вы знаете мое имя, а я ваше – нет.

– Джозеф Волож, – Джош слегка поклонился. Он и сам не знал, почему назвал своим настоящим именем.

– Джозеф? И вы уверены, что ваша мама звала вас именно так?

– Ну, вообще-то мама звала меня Юшкой... Юзефом. Но это было так давно...

– О, то пан поляк? – произнесла Марта на певучем подгальском наречии и не удивилась, услышав ответный вопрос:

– О, то пани полька теж?!

– Пани гуралька, – и оба с удовольствием перешли на родной язык.

– И что же пани Марта мне еще посоветует? – поинтересовался Джозеф. Судя по всему, девушка не собиралась звать на помощь, и у Джоша появилась надежда, что он сумеет выпутаться из этого дурацкого положения.

«А она, кстати, ничего. И не боится совсем», – отметил он мимоходом.

– Полагаю, вас интересует что-то достаточно ценное и не слишком большое, чтобы его легко можно было унести, – со знанием дела предположила Марта (именно этим правилом, усвоенным от приемного отца, она сама обычно руководствовалась, забираясь в тайники чужих душ).

– Вы рассуждаете на удивление здраво. И вы снова правы, – Джозеф был несколько сбит с толку, но пока эта странная беседа ничем ему не грозила и даже складывалась весьма удачно; впрочем, Джош еще сам боялся этому верить.

– Что бы вам предложить, милостивый пан? – Марта забавлялась, разговаривая с Джозефом в манере продавца антикварной лавки, помогающего покупателю выбрать нужную вещь, и исподтишка наблюдала за симпатичным молодым вором. «А если попробовать работать с таким в паре?» – мелькнула шальная мысль, но Марта тут же отогнала ее подальше.

– Эти итальянские безделушки, конечно, очень красивы и стоят целое состояние, но вы навряд ли сможете их продать; кроме того, я к ним так привыкла... Может быть, вот это? – и она продемонстрировала вконец обалдевшему Джозефу аляповато-роскошную вазу средних размеров, масляно блеснувшую в лунном свете, когда Марта взяла ее с подставки. – Полная безвкусица! Зато чистое золото.

– И вы... предлагаете мне ее забрать? – опешил Джош.

– А разве вы не за этим сюда явились? – Марта уже твердо решила позволить Джозефу-Юзефу уйти из дома с добычей, а заодно насолить барону, недавно имевшему наглость приставать к ней в отсутствие жены. Разумеется, барон мгновенно позабыл о своих намерениях, но неприятный осадок в душе Марты остался. Липкий противный налет – так бывает всегда, когда вынужденно присвоишь какую-нибудь гадость... Почему бы и не позволить себе маленькую месть?

– Что же вы стоите столбом? – Марта удивленно нахмурилась. – Берите то, за чем пришли, и уходите. Я не стану поднимать тревогу.

– Но почему?!

– А вот «почему» – это вам знать вовсе не обязательно, – заявила девушка, делая шаг навстречу Джозефу и вручая ему вазу.

Джош-Молчальник машинально взял протянутую вещь, и их руки на мгновение соприкоснулись. Вора пробрал озноб, у него впервые в жизни зачесались глаза – и он снова застыл, держа в руке вазу и изумленно глядя на Марту, как будто пытаясь что-то вспомнить.

– Берите вазу и уходите, – еще раз, словно маленькому, повторила ему Марта. – И не забудьте о своем пари. Завтра вечером вы должны встретиться с этим вашим... Грыжей и предъявить то, что украли.

– Да-да, я помню, – не очень-то соображая, что с ним происходит, выдал Джош и направился к двери.

У порога он на миг задержался, в последний раз взглянул на стройную девичью фигуру в воздушном пеньюаре, словно плывшую в потоках лунного сияния, – и слова сами сорвались с его губ.

– Я... смогу увидеть вас еще раз?

– Может быть, – лукаво улыбнулась Марта, лишь слегка коснувшаяся Джоша, который в противном случае назавтра вообще не вспомнил бы о своем пари с Грыжей. – Но только не приходите так, как сейчас, – в другой раз вам может меньше повезти.

Джош только кивнул в ответ и шагнул в коридор.

6

...Когда пришедший в себя за день Джозеф с трудом вспомнил, где и с кем он должен сегодня встречаться, и явился в трактир, Грыжа с цеховыми старшинами уже ждал его.

– Что-то ты без мешка, приятель, – весело хохотнул Арчибальд при виде Молчальника. – Видать, язык у тебя острее всего прочего! Под стол прямо сейчас лезть будешь или как?

– Тебе, Грыжа, не дома чистить, а в суде служить, – усмехнулся Джош, опускаясь на специально оставленное для него место напротив Грыжи. – Ты бы нас всех за месяц перевешал...

– Ишь, распелся! Или впрямь разжился чем?

– Да так, мелочовка, – вяло махнул рукой Джозеф, раскрывая висевшую у него на боку дорожную сумку. – Там еще было, только я тяжести таскать не люблю. А у тебя что, Грыжа?

Ваза червонного золота и негромко звякнувший кошель величиной с голову младенца возникли на столе одновременно. Несколько секунд Грыжа и Джош молча сравнивали украденное; остальные затаили дыхание. Потом Грыжа одним быстрым движением развязал принесенный им кошель, и на стол хлынули желтые блестящие кружочки.

– Неплохо, – оценил Джош, с профессиональной ловкостью выуживая из груды монет крупный рубин. – Месяц гулять можно.

– А ты, парень, тоже не промах, – признал Грыжа, уважительно поглаживая бок вазы. – Не думал, не думал... По-моему, одно другого стоит.

Возможно, ваза стояла и больше, чем добыча Грыжи, но у Джозефа было отличное настроение, и он не хотел спорить.

– Так что, ничья?

– Пожалуй, что так! – И Арчибальд Шварц, знатный домушник, первым протянул Джозефу руку.

– А теперь – всех угощаю! – крикнул он, когда отшумели приветственные возгласы приятелей и их с Джошем перестали поздравлять и хлопать по спинам.

– *МЫ* угощаем! – поднял кверху палец Джош.

Грыжа одобрительно кивнул.

* * *

Уже светало, когда Джозеф нетвердой походкой возвращался к себе. В голове изрядно шумело, перед глазами прыгали окосевшие физиономии собутыльников, клявшийся в вечной дружбе Арчибальд, разбросанные по столу пустые кувшины и миски, в ушах пронзительно визжала кабацкая скрипка... Погуляли на славу! Он доказал венским зазнайкам, чего стоит настоящий мастер! Теперь...

Что – «теперь», Джош тут же забыл; да это было и неважно. Важно было добраться до комнат, которые он снимал, упасть на кровать – и заснуть. Джозефу смертельно хотелось спать. Он уже почти спал, безуспешно пытаясь попасть ключом в замок, и только какое-то воспоминание все еще не давало покоя, пытаясь прорваться в путавшиеся мысли. Когда проклятый замок наконец щелкнул, Джошу внезапно удалось ухватить за хвост это скользкое воспоминание.

Марта!

Стройная девичья фигура в волнах лунного света.

Марта!..

Загадочная компаньонка баронессы Айсендорф.

Та, которая вопреки всякой логике не только не подняла тревогу, но еще и помогла ему – вору.

Марта...

С этой мыслью Джош и заснул.

* * *

Они встретились через неделю в опере.

Это произошло внешне случайно, но ни Джозеф, ни Марта не верили в случайности; впрочем, не верили они и в провидение.

Они просто встретились.

– Как ваше пари, пан Джозеф?

– Благодарю, пани Марта, все получилось как нельзя лучше. У нас с Арчибальдом вышла ничья, и теперь он во мне души не чает.

Говоря на родном подгальском наречии, Джош и Марта могли не опасаться посторонних ушей.

– И что же вы теперь, работаете вместе?

– О, нет! – рассмеялся Джозеф, представив себя в роли напарника Грыжи. – Все-таки у меня иной подход к... к работе. Вот, – и он одним неуловимым жестом, словно фокусник, извлек откуда-то (Марте показалось, что прямо из воздуха) расшитый золотом кошелек, продемонстрировал его Марте и небрежно бросил на пол.

– Простите, сударь, это не вы обронили?

Пожилой седоволосый бюргер рассыпался в благодарностях, а Марта едва удержалась от смеха.

– Да вы просто виртуоз, пан Джозеф!

– Благодарю за комплимент, пани Марта, но не стоит об этом...

– Ну почему же, пан Джозеф?! Это так интересно! Расскажите мне...

И Джозеф, чувствуя, что поступает глупо и неосмотрительно, что этого делать нельзя, но не в силах отказать, рассказывал Марте случаи из своей богатой приключениями жизни, воровские байки, кое-что придумывая на ходу; Марта знала, что далеко не все из рассказанного Джошем – правда, но все равно слушала его с широко распахнутыми глазами... Ей вспоминался старый Самуил-баца, его наставления, свое собственное детство, первые попытки забраться в чужую душу, оскаленные морды «задушевных» Стражей, охранявших тайники памяти; ей вспоминался панический страх, бегство без оглядки – и отчаянная радость от неожиданной удачи, когда ни один Страж даже не проснулся, а Марта бесшумной тенью скользила по темным коридорам, спеша к выходу, унося то, что ей приглянулось... Позже с восторгом она ощутила в себе чужие воспоминания, украденные ею, – свою первую добычу...

Как это было похоже на рассказы Джозефа – похоже, и в то же время совсем по-другому!

С тех пор они виделись часто, хотя поначалу и не каждый день. Ходили в оперу, гуляли в венских парках, любовались фонтанами, кормили с рук белоснежных и угольно-черных лебедей, катались на лошадях – баронесса привила своей компаньонке вкус к верховой езде, а Джозефа его бродячая жизнь уже давно вынудила стать неплохим наездником – и как-то раз, словно бы невзначай, оказались в комнатах, которые снимал Джош.

Все получилось легко, само собой, и когда Марта наконец пришла в себя рядом с уснувшим и улыбавшимся во сне Джошем, она ни о чем не жалела.

Более того, через неделю-другую она стала гораздо лучше понимать Лауру Айсендорф. Только одно было неясно для Марты: зачем нужно все время искать новых мужчин?!

Может быть, Лаура просто еще не нашла своего?

Но чужая душа – потемки, и Марте это было известно, как никому другому. Она и в себе-то не могла толком разобраться! Сколько блестящих кавалеров из хороших семей вьется вокруг, а она предпочла Джозефа Воложа.

Карманника.

7

Они были молоды, беспечны – и счастливы. Живя сегодняшним днем, намечая будущее не дальше завтрашней встречи, они кружились, подобно мотылькам, не задумываясь о том, что жизнь мотылька быстротечна и лето должно когда-нибудь кончиться.

Баронессу сперва озаботило непривычное поведение расцветающей прямо на глазах Марты, но та походя справлялась со своими обычными «обязанностями», и Лаура Айсендорф

быстро успокоилась – наконец-то у ее компаньонки появился любовник, а это, по понятиям баронессы, было более чем нормально.

Странно только, что всего один...

Многое могло случиться с этой странной парой: кто –нибудь вполне способен был прознать, с кем встречается Марта, и коллекция сплетен венского света обогатилась бы еще одним пикантным экспонатом; Джош мог попасться на очередной краже и угодить в тюрьму, а то и на виселицу; но судьба почти год примеривалась к влюбленным, прежде чем усмехнуться и ударить наотмашь.

Эпидемия бубонной чумы, чуть было не опустошившая Италию и южные области Франции, Вену зацепила лишь краем черного крыла, сочащегося гноем и страхом, – заболело не более двух сотен человек, причем благодаря самоотверженности сестер-монашек венских госпиталей и вовремя принятым мерам магистрата дальше зараза не пошла.

Но одной из этих немногих оказалась Марта.

Два дня Джош, как безумный, кружил вокруг госпиталя Св. Магдалины – любовь Лауры Айсендорф к своей компаньонке не доходила до таких крайностей, как уход за смертельно опасной больной в баронском поместье. Стражники-добровольцы никого не пускали в ворота госпиталя, и уж тем более они никого не выпускали наружу (монашки и лекари жили в боковых флигелях, дав обет не покидать госпиталя, пока в нем еще можно спасти хотя бы одного человека).

Наконец, под вечер второго дня, измученный лекарь выкрикнул Молчальнику через решетку приговор судьбы: надежды нет никакой, и жить больной осталось дня три, от силы четыре.

Потом лекарь упал и заснул прямо тут же, у самой ограды, а Джозеф остался стоять посреди улицы, окаменев от свалившегося на него горя.

Он не очнулся даже тогда, когда кучер чуть не наехавшей на него кареты громко обругал «проклятого пьяницу» на чем свет стоит – Джош-Молчальник просто сделал шаг в сторону и снова застыл.

Так он стоял долго. Редкие прохожие, в сумерках спешившие домой, невольно оглядывались на этот живой памятник скорби и отчаянию. Потом Джоша увел от госпиталя какой-то доброжелательный мясник, который все предлагал Джозефу облегчить душу, пока не понял тщету своих попыток и не отстал, отправившись пить пиво – короче, отчасти Молчальник пришел в себя лишь в знакомом трактире, где целую жизнь тому назад они с Грыжей заключали свое странное пари, а потом долго обмывали «ничью».

Джош поднял голову и огляделся: через два столика от него сидел... Грыжа с двумя приятелями и еще каким-то господином.

На мгновение Джошу показалось, что все это уже было, что он спит или, наоборот, что он проснулся, и Марта жива-здоровая, им лишь предстоит еще встретиться в опере, но на этот раз все будет хорошо, и...

И тут он с усилием вспомнил, что Арчибальд Шварц по кличке Грыжа две недели назад попался на очередном «деле», забравшись в дом очень влиятельного чиновника, и на днях его должны были повесить на городской площади.

В назидание прочим.

Но вместо того чтобы болтаться в хорошо намыленной петле или по крайней мере в ожидании этой самой петли гнить в тюрьме и улаживать свои сложные отношения с Господом, – вместо этого Грыжа почему-то сидел в трактире, пил вино и улыбался одними губами, а в темно-серых глазах Арчибальда Шварца по прозвищу Грыжа... нет, не должна читаться в глазах человека, внезапно оказавшегося на свободе, такая смертная тоска и полная безнадежность!

Но почему?! Если Арчибальд каким-то чудом вырвался из тюрьмы или был помилован, то он должен радоваться... Грыжа радовался. Во всяком случае, со стороны все выглядело именно так. Трактир, приятели, вино – что еще нужно человеку, вышедшему из застенков? Но взгляд... после услышанного в госпитале Св. Магдалины Джош не мог обмануться! На душе у Арчибальда Шварца было так же тоскливо и мерзко, как и у него самого.

Как будто эту самую душу разъедал изнутри невидимый червь.

Джозеф велел служанке принести вина и подсел за столик Грыжи.

– О, Джош! – искренне обрадовался Грыжа, и на миг его глаза стали прежними, но только на миг, не больше. – Хорошо, что ты появился!

– Привет, Арчи, – выдавил кривую улыбку Джозеф. – Как тебе удалось отвертеться от виселицы? Сбежал, что ли?

– Почти, – Грыжа сразу осунулся и будто стал меньше ростом. – Вот, господин Джон Трэйтор⁶ помог...

И Шварц кивнул на сидевшего чуть позади него высокого худощавого господина с черной седеющей эспаньолкой, косо прилепленной на внушительном подбородке. Незнакомец в богатом темно-зеленом камзоле и таком же зеленом берете с петушиным пером, заливчато сдвинутом на левую бровь, более всего походил на испанца, хотя фамилия и имя у него были скорее английские, – и в этом трактире господину Трэйтору было никак не место.

При упоминании своего имени спаситель Арчибальда-Грыжи привстал и слегка поклонился. Джош ответил ему тем же. Тогда господин Трэйтор вскочил и, расшаркавшись, подмел петушиным пером своего берета сомнительно чистый пол трактира. Откуда бы ни взялся этот удивительный господин, в свободное время спасающий воров от петли, – он был сама вежливость.

– Кончайте любезничать, парни, – буркнул один из дружков Грыжи, жилистый детина со шрамом на лбу. Имени детины никто не знал, и он любил, когда его звали просто и незамысловато: Сундук. – Не сегодня, так завтра, а петли не миновать!

Чем-чем, а тактом Сундук никогда не отличался.

– Да ладно тебе, Сундучище, – махнул на него рукой Джош. – Интересно все-таки, как это господину Трэйтору удастся вытаскивать людей из тюрьмы? Он, часом, не колдун?

Грыжа невольно вздрогнул, разлив вино себе на колени, а Джон Трэйтор еле заметно поморщился.

– У господина Трэйтора хорошие связи, – сбивчиво заговорил Арчибальд, комкая в своей медвежьей лапе краюху ржаного хлеба и засыпая пол вокруг себя крошками мякиша. – Кроме того, внушительная сумма денег, которую пришлось внести...

Джош посмотрел в глаза Шварцу и понял, что тот врет. Врет глупо и неумело. Грыжа поспешно отвел взгляд и умолк на середине фразы.

– А что ты, Джош, невесел? – спросил он, стремясь хоть как-то выпутаться из неловкого положения и перевести разговор на другую тему. – Дела не идут или женщины не любят?

– Марта умирает, – это выплеснулось само, произвольно, как кровь из раны. – Умирает. Лекарь сказал – не больше трех дней осталось...

Над столом повисло угрюмое молчание, даже Сундук захлопнул пасть и устался в стол – и сбивчивый шепот Молчальника услышали, кажется, все:

– Я бы за нее... душу не пожалел... Я бы...

Джош уронил голову на руки и словно издали услышал сдавленный голос Арчибальда Шварца, которого теперь венские воры будут звать Висельником целых полтора года, до дня его внезапной смерти от апоплексического удара:

– Ты, парень, думай, что говоришь! Душу, ее... ее, это самое...

⁶ Трэйтор – предатель (англ.).

Грыжа явно хотел сказать что-то еще, но поперхнулся, закашлялся и умолк.

Джош плохо помнил, что было дальше. Он долго пил, не пьянея, чуть не подрался с Сундуком, но их вовремя растащили, потом Молчальник стал отвечать на вопросы собутыльников по-подгалски, удивляясь их непонимающим физиономиям и время от времени ловя на себе пристальный изучающий взгляд Джона Трэйтора. Наконец приятели Грыжи куда-то исчезли, следом за ними нетвердой походкой покинул трактир и сам Грыжа, и они с Трэйтором остались за столом вдвоем.

Похожий на испанца человек со странной английской фамилией отставил в сторону кружку с вином, и Джозеф, предчувствуя что-то смертельно важное, сделал то же самое.

Отрезвление ударило неожиданно и коварно, словно нож в спину.

– Итак, вы говорили, что не пожалели бы своей души в обмен на жизнь Марты Ивонич? – с едва заметной усмешкой проговорил господин Трэйтор, дернув себя за клочок волос на подбородке.

8

...Она бежала темными запутанными коридорами, где с бугристого потолка капала слизь, на стенах копились огромные колонии светящихся гусениц, а за спиной раздавались топот и тяжелое дыхание Стражей; Марта мчалась из последних сил, унося с собой что-то... она сама не знала – что именно, но бросить украденное было нельзя, никак нельзя, да и Стражи все равно не оставили бы ее в покое.

Марта чувствовала, что уже давно заблудилась в этом бесконечном внутреннем лабиринте, что Стражи гонят ее к Черному Ходу, к тому пульсирующему омуту, разъедающему жертву, о котором ей не раз рассказывал вечерами батка Самуил. Несмотря на ужас и липкое отчаяние, парализующие волю, она заставила себя остановиться и встретить Стражей лицом к лицу. Это ничего не давало, кроме возможности достойно умереть, – но Стражи почему-то все не показывались, а потом за поворотом коридора послышался какой-то шум и хриплое рычание, переходящее в затихающий бессильно-злой вой. Марта кинулась туда и, свернув за угол, увидела Джоша, ее Джоша, спокойного сосредоточенного Молчальника, который вытирал о штанину длинный окровавленный нож.

Рядом бились в агонии три бесформенных Стража, сверля Марту тускнеющим взглядом, полным ненависти.

Марта невольно вскрикнула, Джош поднял на нее глаза и грустно улыбнулся.

– Ну что ты, маленькая, успокойся... Все в порядке. Пошли.

Он обнял ее за плечи рукой, измазанной в густой коричневой крови, и они двинулись к выходу. По дороге Марта все пыталась вспомнить, что же здесь не так, и когда впереди слабо забрезжил розовато-голубой свет, она наконец вспомнила: ведь это же Лабиринт Души, чужой души, куда она неведомо как попала, – значит, Джоша попросту не может здесь быть, и уж тем более он не должен знать пути наружу!..

– Да, не может, – Джош обернулся к ней, словно прочтя ее мысли. – Не может и не должен. Но я здесь. Потому что без меня ты бы погибла. Вот я и пришел.

Он снова грустно улыбнулся, и только тут Марта заметила, что на шее у Джоша – веревочная петля, нет, не веревочная, а скрученная из Джошева пояса, а лицо Молчальника неживое, застывшее, чем-то похожее на лица убитых Стражей, и лишь в запавших глазах, как в омуте Черного Хода, куда Марта так и не добежала, бьется живая безысходная тоска. Марте захотелось кричать от этой хлынувшей в нее тоски, – но тут что-то ослепительно взорвалось перед нею, Джош исчез, и все исчезло...

Марта вскрикнула, открыв глаза, – и мгновенно зажмурилась от ворвавшегося под веки яркого света.

– Слава богу! – как сквозь вату услышала она голос сиделки. – Наконец-то вы пришли в себя! Чудо, воистину чудо...

* * *

Поправлялась Марта долго, но и баронесса (выяснив, что ее компаньонка абсолютно не заразна, практичная Лаура немедленно приказала перевезти Марту обратно в поместье), и слуги все равно диву давались: из всех заболевших выжила одна Марта.

«Божий промысел! – шептались слуги, любившие Марту. – Господь ее не оставил!»

«Ведьма! – окончательно уверилась баронесса. – Сам дьявол ей помогает!» Впрочем, своими соображениями Лаура Айсендорф ни с кем делиться не собиралась. Ведьма была нужна ей самой для уже известных целей. На время болезни Марты Лаура не то чтобы совсем прекратила приращивать новые отростки к и без того раскидистым мужниным рогам, но стала куда осторожнее – зато теперь, когда компаньонка вновь рядом, она свое наверстает!

С Джошем Марта увиделась лишь через три месяца, когда впервые после болезни выбралась в город. Тогда им удалось перебраться всего несколькими словами – Марта была не одна, но через неделю Марта неожиданно возникла на пороге скромного жилища Джозефа.

Выяснилось, что ей предписан постельный режим, но в одиночку валяться в постели Марте смертельно надоело, поэтому...

В общем, не одна баронесса навестывала упущенное.

...Еще при первой после болезни встрече Марту насторожило странное поведение Джоша – веселый карманник за минувшие месяцы словно постарел на добрый десяток лет, – и, собираясь уходить, она долго смотрела в лицо спящего. Почувствовав на себе чужой взгляд, Молчальник открыл глаза, грустно улыбнулся...

Уже вернувшись в усадьбу, Марта вспомнила: именно такими были глаза Джоша в чумном кошмаре, когда он выводил ее из лабиринта чьей-то души.

Души с убитыми Стражами; души, в которой Джоша не могло быть.

* * *

Минул почти год. Жизнь вернулась на круги своя, став такой же, как прежде, но постепенно Марта все больше убеждалась, что с Джозефом творится что-то неладное. Спросить напрямую она не решалась, а воровски лазить в душу к любимому человеку она запретила себе еще давно. Джош был болезненно нежен с ней, он предугадывал любой ее каприз, и временами Марте казалось, что Молчальник живет так, словно каждый миг его жизни – последний, словно завтра его ждет эшафот, хмурый палач и пеньковая веревка, а значит, больше не будет голубого неба и доверчивых лебедей в пруду, не будет лукавства дневных взглядов и страсти ночей, не будет ее, Марты, и самого Джоша скоро не станет...

Наконец Марта не выдержала.

Молчальник долго не отвечал, как если бы задался целью подтвердить правоту своего прозвища или попросту не знал ответа на вопрос: «Что с тобой, Джош?»

– Я влип в скверную историю, Марта. И очень надеюсь выкрутиться. Через неделю все решится. Если я стану прежним – я расскажу тебе все. А если нет... Я дам тебе письмо, но обещаю, что вскрыешь его не раньше, чем через восемь дней после того, как я не приду на назначенную встречу, – или сожжешь в следующий четверг, если я скажу тебе, что все в порядке. Обещаешь?

– Обещаю... но, Джош, может быть, я могу чем-то помочь? Помнишь, я ведь помогла тебе тогда...

– Нет, Марта. Вор должен уметь сам отвечать за свои поступки. Впрочем, при чем тут воровство...

Неделя прошла в тягостном ожидании. Оба пытались забыть о пугающем разговоре, всецело отдаваясь друг другу, но где-то в глубине души каждый чувствовал, как над ними сгущаются тучи, готовые вот-вот прорваться... Чем? Хорошо, если просто ливнем!

Перед оговоренным четвергом Марта вся извелась в ожидании развязки. Она то и дело поглядывала на лежавшее на столике письмо, но вскрыть его так и не решилась.

Примчавшись домой к Джошу за полчаса до условленного времени, Марта с невыразимым облегчением увидела сияющего Молчалиника, фрукты, две бутылки выдержанного бургундского...

– Ну? – выкрикнула она прямо с порога.

– Обошлось! Я жив и здоров, ты – тоже, так что давай отметим это дело! – довольно ухмыльнулся Джош – Молчалиник.

– Тогда рассказывай!

– А, потом! – отмахнулся Джош. – Давай не будем портить вечер!

И они не стали портить этот вечер, потом не стали портить следующий, и еще один... письмо так и осталось лежать на столике невскрытым и несожженным, через день-другой Марта сунула его в шкатулку и, проходя мимо, равнодушно скользила по ней взглядом.

А через неделю Джош не пришел на утреннее свидание. Под вечер не находившая себе места Марта получила записку, присланную с посыльным мальчишкой.

«Прощай, Марта. Я думал, что мне удалось обмануть ЕГО, но я ошибся. Каждую ночь мне снится, как ты умираешь от чумы. Я больше не могу видеть тебя утром живой, зная, что ночью буду снова в мельчайших подробностях наблюдать твою смерть. Я путаю сон с явью и скоро сойду с ума. Долги надо платить. Мы больше не увидимся. Если ты не сожгла письмо, прочти его – и все поймешь. Если же сожгла... впрочем, неважно. Я люблю... я любил тебя, Марта!

Прощай.

Твой Джош».

На мгновение в глазах у Марты потемнело, и ей показалось, что сердце сейчас не выдержит и остановится. Потом она бросилась к шкатулке, где хранилось письмо, дрожащими пальцами разорвала плотную вощеную бумагу...

...Петушиное Перо дал Джозефу ровно год. После чего Молчалиник должен был в полночь повеситься в заброшенной сторожке, что на выезде из города, неподалеку от окраины Гюртеля.

Слуги еле успели распахнуть ворота, когда Марта на спешно заседланном жеребце, не разбирая дороги, промчалась через роскошный баронский парк, топча итальянские розы и голландские тюльпаны; копыта жеребца взрывали мягкую черную землю, разбрасывая в стороны рыхлые комья, рана ухоженные клумбы и цветники, – и только ветер удивленно присвистнул вслед исчезающей за поворотом всаднице.

– Сумасшедшая! – с восхищением и досадой пробормотал садовник Альберт и, вздыхая, отправился ликвидировать учиненный Мартой разгром.

«Позд-но!» – погребальным звоном прозвучал в голове Марты отбивавший полночь далекий колокол церкви Санкт-Мария-ам-Гештаде. Буквально свалившись со спины храпящего коня, женщина бросилась через луг к едва различимому в темноте черному пятну сторожки. Непослушные после бешеной скачки ноги подгибались, путались в густой траве, дважды Марта падала, зацепившись за невесть откуда взявшиеся на лугу узловатые корни, а в сознании, все нарастая, продолжал отдаваться колокольный рокот, и вторил ему из сторожки безнадежный собачий вой, пугая мечущихся вокруг нетопырей – или это только казалось Марте?..

Взвизгнув, замшелая дверь распахнулась, повисла на одной ржавой петле, горевшая в углу сторожки свеча швырнула женщине в лицо рваные блики – и Марта увидела: откатившийся в сторону тяжелый чурбан, воющий пес по кличке Одноухий, не так давно подобранный Джошем в их любимом парке возле пруда с лебедями... и над безутешной собакой слегка покачивалось на туго натянувшемся пояском ремне тело человека.

Джозеф.

Она опоздала.

Пес запрыгал вокруг Марты с немой мольбой в глазах – и сумасшедшая, не человеческая, а скорее звериная надежда бросила Марту вперед. Немыслимым рывком она подтащила чурбан, взобралась на него, выдернула из потайных ножен в рукаве Джоша его узкий нож и одним движением – лезвие было острым, как бритва, – перерезала ремень.

Молчальник мешком рухнул на земляной пол, и Марта, не удержав равновесия, повалилась сверху.

Пропущенный через пряжку конец ремня заклинило медным язычком, петля никак не хотела распускаться, руки Марты дрожали, Одноухий самозабвенно вылизывал родное посиневшее лицо с белыми пятнами глаз, и чумной кошмар обступил Марту со всех сторон, довольно скалясь пастью безумия.

Выхода не было.

Никакого.

Марте хотелось завывать, как только что выл пес, а когда не останется сил даже на вой – повеситься здесь же, на том же ремне...

Но вместо этого, еще сама не понимая, что делает, она отстранила пса, взяла в ладони холодеющее лицо веселого карманника, погибшего из-за нее, и прикипела взглядом к мертвым глазам.

В следующее мгновение свеча, жалобно мигнув, потекла копотью, пес в ужасе заскулил, и из съездившейся темноты послышался насмешливый голос:

– Ты опоздала, женщина. Он выполнил уговор. Теперь его душа – моя. Уходи и возвращайся завтра, если ты хочешь похоронить тело. Впрочем, я могу предложить тебе довольно выгодную сделку...

Марта Ивонич, приемная дочь Самуила-турка из Шафляр, знала, кто говорит сейчас с ней. Совсем рядом, невидимый в могильном мраке сторожки, стоял Великий Здрайца – лишь блеснуло рыжим отливом петушиное перо на берете да скользнули блики по серебру пряжки.

О, этот мог пообещать многое! Может быть, даже отпустить душу Джоша в обмен...

«Никогда не становитесь на пути у Великого Здрайцы, – говорил Самуил-баца. – И никогда не верьте ему. Никогда!»

Верить было нельзя. И становиться на пути тоже было нельзя, тем более что это все равно бесполезно; но Марта уже приняла решение, с привычной отстраненностью потянувшись вперед, к мертвецу, которого она могла представить только живым; не протянув невидимую

руку, как обычно, она бросилась наружу всем своим существом – и невидимые ворота с лязгом распахнулись перед женщиной.

На этот раз за воротами не было подвалов, сокровищниц и лабиринта. Не было и Стражей, убитых самим Джошем еще тогда, в ее кошмаре, в тот миг, когда Молчальник подписал кровью дьявольский договор, сняв охрану собственной души – о, теперь она понимала это! – вокруг простиралась похожая на оспенное лицо равнина, слегка мерцавшая в ярком лунном свете, по седому простору бродили смутные тени, и прямо перед воротами лежал обнаженный человек.

Джош-Молчальник, непутевый вор, обокравший самого себя.

Одним движением Марта оказалась рядом и попыталась приподнять лежащего. Джозеф слабо пошевелился, пробормотал что-то невнятное и снова обмяк. Он был тяжелый, невозможно тяжелый, но Марте каким-то чудом удалось взять провисающее тело на руки; в глазах потемнело – или вокруг действительно сгустилась ночь?! – и Марта неуклюже шагнула к распахнутым воротам. Ноги Джоша волочились по земле; кровь набатом стучала в висках, но женщина закусил губу и сделала еще один шаг.

И тогда раздался голос.

Тот самый.

Только в нем уже не было насмешки – лишь удивление и смутная затаенная неуверенность.

– Он мой, женщина! Что ты делаешь?! Кто ты? погоди! Давай поговорим! Я хочу знать, как ты можешь...

Шаг.

– Пстой!

Еще один.

– Кто ты?!

Никогда... никогда не становитесь на пути у Великого Здрайцы!..

Прости, батька Самуил!

Прости...

Вот они, ворота.

Вот... они.

И тут Марта ощутила, как совсем рядом с ее плечом в горло Джоша впились чьи-то сильные пальцы. Тело на руках женщины вздрогнуло и захрипело, прирастая к ней, как ребенок до родов неразрывно связан с матерью; Марта пошатнулась, но устояла, даже не успев испугаться. Джоша медленно, но неумолимо отрывали от нее, отрывали вместе с кожей – с их общей кожей! – и Марта закричала от боли и отчаянья, зубами вцепившись в чужие потные пальцы на теле души любимого... она рванулась, рыча и мотая головой, как дикий зверь, – и в этот момент они с Джошем буквально выпали за ворота.

Оглушительный рев потряс Вселенную – словно кричала сама преисподняя, выворачиваемая наизнанку. Нечеловеческий крик нечеловеческой боли наваливался со всех сторон, давил, туманил сознание, застилал глаза кровавой пеленой. У Марты, оглохшей и ослепшей от этого крика и от своей чудовищной ноши, уже не было сил подняться, и она поползла, как ползет кошка с перебитым хребтом, цепляясь за пожухлую траву, – туда, куда вел ее инстинкт, выпестованный строгим батькой Самуилом, домой, к себе, потому что Джош был все-таки с ней, она не отдала его Великому Здрайце с вкрадчивым голосом и жадными пальцами, не отдала, а значит, теперь все будет...

Нет.

Не будет.

Груз чужой души все же оказался ей не по плечу. Марта уже почти добралась до собственного тела, наполовину втянувшись в него, как черепаха в панцирь, неожиданно ощутив совсем

рядом что-то живое, теплое, скулящее, желающее помочь, но невидимая пуповина между ней и Молчальником лопнула, теряющая сознание Марта из последних сил потянулась к искреннему живому теплу и почувствовала, как душа Молчальника разрывает ее и уходит, рушится в этот теплый колодец, гостеприимно лучащийся мягким добрым светом...

Она никогда не рожала.

Поэтому не знала, на что это похоже.

* * *

Кажется, она пришла в себя почти сразу. Все тело болело, словно Марта действительно тащила Джоша на себе, во рту стоял солоноватый привкус крови из прокушенной губы. В углу кто-то хрипло стонал.

«Джош?!» – надежда вспыхнула и угасла. Тело Джозефа Воложа лежало рядом, мертвое, окоченевшее и пустое. А в углу... в углу приходил в себя Великий Здрайца! Свеча немилосердно чадила, но мрак слегка расступился, и был виден силуэт худого человека, стоящего на коленях и вытирающего лицо сорванным беретом. Марта с усилием заставила себя встать, пошатнулась, сделала нетвердый шаг к двери. Что-то влажное мягко ткнулось ей в руку, Марта чуть не вскрикнула, но тут же поняла, что это – собачий нос. Она машинально нагнулась, чтобы потрепать пса по голове, увидела судорожно подергивающееся горло Одноухого, мучительно kloкочущую пасть, словно пес хотел заговорить, хотел и не мог... лапы пса расплзались, как у новорожденного щенка, – и безумная догадка холодным лезвием пронзила душу Марты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.